

НАША СТАЯ

Екатерина Фёдоровна Курдакова родилась в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончила гидрометеорологический техникум. Работала техником-конструктором на заводе тяжёлого машиностроения, на заводе художественных изделий «Оютас», с 1983 года трудится художником-реставратором в Восточно-Казахстанском областном архитектурно-этнографическом и природно-ландшафтном музее-заповеднике. Живёт в Усть-Каменогорске.

Моим дочерям

*Наша стая с утра, поднимаясь,
свистит и щебечет,
Сочиняет стихи, распевает,
рисует, поёт
И живёт, как играет в смешную
игру «чёт и нечет»,
И пока только чёт, слава Богу,
пока только чёт.*

*Целый день трескотня, шум
и гам, карусель, клоунада,
Свистопляска, базар,
представленья, спектакль,
маскарад,
Все шумят и кричат всё,
что надо, и всё, что не надо,
Но цветами верстак
расцветает и просится в сад.*

*Всё навыверт, наружу, но,
в общем, работы не видно,
Не горбам, а добром добываются
хлеб и вино,
В толкотне, тесноте, суете –
никому не обидно,
И собаки, и дети, и птицы
навек заодно.*

*О, слетайте к нам в стаю,
шуты, чудачки и чудачки,
Все, кто в долгом полёте
от собственной стаи отстал,
В наше шумное празднество,
птичье-цветочно-ребячье,
В наш бедлам, тарарам,
маскарад, балаган, карнавал!*

*В нашу стаю всяк будет
и принят, и всяк будет понят,
Всякий мокрые крылья осушит
и крышу найдёт.
Добрый сад наш укроет,
и птицы из клюва накормят,
И собака споёт вам, о, как вам
собака споёт!*

*...И – пока не исчезли навеки,
в тумане истая,
И – пока не сомкнулась над нами
бесцветная тишь, –
Ты кружись и свищи, распевай
и взлетай, моя стая,
И лети, и не знай, для чего и куда
ты летить!*
Евгений Курдаков

«Я не знаю когда, хорошо бы не скоро, подкрадётся ко мне моя добрая смерть, усмехнусь, перебрав мелочей своих ворох, лишь в одном преуспел – ничего не успеть». Это начальные строки раннего стихотворения моего мужа Евгения Курдакова, поэта, художника, академика Петровской академии наук, создателя и основоположника «Нашей Стаи», и без него, без его стихов я никак не обойдусь в рассказе о некоторых эпизодах жизни нашей семьи, Нашей Стаи.

Женя как-то уж очень рано начал говорить о своей смерти, а я по молодости принимала его слова всерьёз и каждый раз при любом его недомогании или простуде пугалась, была предельно внимательной и заботливой. Он даже называл срок своей жизни – 30 лет. Обосновывал свои слова очень аргументированно, приводя в пример малые сроки жизни известных поэтов: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, В.В. Маяковского, С.А. Есенина и так далее. Я спорила, называла примеры долгожителей – поэтов и прозаиков, но моя горячность, похоже, забавляла мужа, и он продолжал по-прежнему, шутя или всерьёз, пугать меня. Женя ушёл из жизни, не дожив до 62 лет, что, конечно, мало и рано. Он был на творческом подъёме, с большим жизненным опытом, собирал и изучал редкий научный материал для книги. Он торопился закончить давно начатую работу «Русский Пантеон» – исследования тайн возникновения языка человечества, но, увы...

С той поры прошло много времени, я пережила мужа на более чем 20 лет. Наши дочери выросли, состоялись и обзавелись семьями. Я дождалась даже двух правнуков, которые, не зная того, пополнили Нашу Стаю и, как ни странно, сохранили все признаки или, скорее, свойства Стаи. Они ещё об этом не знают, не догадываются. Им это передалось,

наверное, генетически: они любят и содержат в заботе и любви домашних животных, братьев наших меньших. Ну а самое главное, конечно, изначально: сохраняют крепкие семейные устои, надёжность и чистоту отношений.

Я пытаюсь заглянуть вперёд, думая опередить время, загадывая, как я уйду из жизни, при каких обстоятельствах, болезнях. Кто меня встретит там, за чертой жизни, в той неизвестности, откуда ещё никто не возвратился и ничего не рассказал. Уходивший из жизни младший брат Володя, не доживший до шестидесяти лет, находившийся в последний день болезни в коме, вдруг очнулся. Лицо его осветилось детской улыбкой радости, он вдруг совершенно внятно и нежно произнёс-позвал: «Мама, мама!» — его встречала мама, он ушёл совершенно счастливым.

Кто же встретит меня в иной ипостаси, в другом бытии или небытии? Наверное, только во сне может хоть как-то представиться это таинство. Приснилось мне, а может, не приснилось: рассеивающийся мрак в призрачности небытия — улыбающийся Женя в окружении Нашей Стаи; над его головой стая птиц: два щебечущих щегла, сидящие на плечах, бело-голубой волнистый попугайчик Петруша нечеловеческим голосом, автоматически выдает приветствие: «Катюша, привет, Женечка, привет, Риточка, привет, Юлечка, привет, Олеч-

ка, привет, Димочка, привет!» Ворона Варя, взъерошенная, как всегда недовольная, угрожающе щёлкает клювом, нависает, как вертолёт, над головой испуганно прижавшего уши Малыша. Собака так и не смогла привыкнуть к грубым забавам птицы. Улыбающийся пудель Рэмка, серьёзный Малыш, любящий порядок в доме, не очень одобрительно посматривает на него, но ради такой встречи терпит, не рычит. Угрюмый Мистер Билл, мало проживший в нашей семье, предпочтя свободу, очень неодобрительно смотрит на происходящее — ну что за телячьи нежности! Неугомонный карликовый пинчер Чарли бегает кругами и кажется совершенно счастливым. Над собачьим сообществом кружит большая стая канареек с переливающимися трелями кенаров. К этим птицам вдруг присоединяется стая скворцов, много лет проживших у нас на балконе четвёртого этажа. В отдалении группа улыбающихся молчаливых разновозрастных людей. Я понимаю, что мои родные не могут приблизиться ко мне, мы не можем обняться и заговорить. Наверное, всё это голограмма, я в другом измерении, всё бестелесно, размыто, — в сгустке вселенского разума. Нам с Женей не надо озвучивать свои мысли вслух, они сразу поступают в наш разум. Наша встреча исчисляется в секундах, да и вообще, возможно, мне всё это только снится, я ни на чём не настаиваю.

Мгновенно всё исчезает, я снова в жизни, мой срок ещё не пришёл, какие-то незаконченные дела задерживают меня в моей земной жизни.

В реальной жизни Наша Стая началась с рождением дочерей — Риты и Юли, с разницей в два с половиной года. Жили мы тогда в коммуналке на три хозяина. Пока это была просто семья, Стаей она стала позже.

Был 1973 год, декабрь. Женя неожиданно, не предупредив заранее, вдруг принёс двух щеглов-красавцев. Их подарил Жене друг, заядлый птицелов. И так как всё произошло неожиданно, спонтанно, у нас не было клетки, и птицы какое-то время жили вольно, летали по комнате, корм был на подоконнике, а от преследования надоедливых девчонок скрывались они на люстре. Там же и распевали свои незатейливые песенки. Позже мы приобрели небольшую металлическую, красивой формы клетку. Любимое лакомство щеглов — семена репейника, и однажды Женя в воскресный день, с лыжами на плече, отправился за город. Он привёз целый рюкзак колючего репейника, чем разнообразил корм нашим птицам. Весной, перед Пасхой, птиц выпустили на волю.

Не все люди одинаково относятся к близкому общению и проживанию в квартире с животными. Я несколько примитивно делю людей на кошатников и собачников. В нашей семье были

собаки и птицы. Кошки почему-то не приживались. В нынешнее время модно содержать в квартирах и совсем экзотических животных, вовсе неприспособленных к квартирным условиям и даже опасных для хозяев. Но это уже другая история...

Теперь уж и не знаю, как объяснить, что в нашей семье всегда содержалась собака. Всегда мелкой породы, учитывая небольшие площади наших квартир. Где-то подсознательно, как я теперь понимаю, собачку брали для детей, чтобы не тянулись погладить чужих собак, что не всегда безопасно во всех смыслах. Собака в семье, в общении с домочадцами, приносит и создаёт какой-то свой микроклимат, обогащает своим присутствием общение детей и взрослых. Собака, бывало, и защищала наших девочек во дворе. Ну а самое главное — это пример беззаветной преданности и бескомпромиссной любви ко всем членам семьи.

Это относится ко всем собакам, независимо от породы и размера животного. И всё-таки все они разные, со своими характерами, наклонностями и привычками. Собака может улыбаться — губы растягиваются, смеются глаза, хвост — пропеллером, а может грустить, тосковать в пустом жилище, даже подвывать от одиночества. А может и обидеться, даже на хозяина, будет помнить и ждать, когда обратят на неё внимание, когда её пожалеют и приласкают. Собаки

тяжело переносят всякие изменения: переезды, смерть хозяина и, самое страшное, когда их бросают, предают...

Как-то так случилось, что собаки с детства присутствовали в моей жизни, и это было естественным. Родительская семья жила в своём доме, и, конечно, была собака. Маленький, преданный навек, чёрный клубочек шерсти с глазами-бусинками (кстати, хороший охранник) — Жучок прожил у нас около двадцати лет, был очень смышлёным, виртуозно ходил на задних лапках. Да и в доме Жени жили две собаки: Мишка и Цыган. Видимо, поэтому и мы не избежали душевной привязанности к этим верным, бескорыстно любящим нас животным.

Первой нашей собакой был породистый карликовый пинчер Чарли. Приобрели его трёхмесячным щенком на рынке. Меня он подкупил тем, что, находясь на руках у хозяйки, ухитрился дотянуться и лизнуть меня в лицо. В этом-то и была моя ошибка: как выяснилось позже, он готов был целовать всех подряд, без разбора — свои или чужие. Чарлик — короткошёрстный, чёрный с коричневыми подпалинами на груди и животе, на коротких ножках. Под коротким хвостиком подпалина в форме кленового листа. Прямостоящие треугольные ушки как бы всегда настороже. Хозяйкой он считал семилетнюю Риту: она чаще всех гуляла с ним. Щенок был феноменально

активный; бегая по комнате, он запрыгивал на диван, а с него ухитрялся прыгнуть на стену, сделать пару шагов по ковру и снова спрыгнуть на диван. Прожил он у нас год, его украли на прогулке, когда Рита на минуту отвлеклась, — этого хватило, чтобы проходящий мужчина схватил поводок и сунул Чарлика за пазуху. Мужчина прыгнул в трамвай — и был таков. Ритино горе было безгранично: она искала его по ближайшим дворам, писала и расклеивала объявления — бесполезно.

Узнав о Ритином горе, Женин брат пообещал привезти ей собаку, которая давно живёт в их дворе и питается на помойке. Собака оказалась не очень молодой, это был породистый жесткошёрстный фокстерьер с уже сложившимся характером, который он нам сразу показал. При первой попытке искупать его в ванне он не сопротивлялся — он просто показал жёлтые зубы и так ими щёлкнул, что у нас пропало всякое желание помыть его. Женя сразу же дал ему многозначительную кличку Мистер Билл. На следующий день Рита на поводке вывела его гулять. Во дворе Мистер Билл дёрнулся, выдернул из рук поводок, рывкнул и не спеша потрусил прочь. Поводок волочился по земле... Рита пришла домой с застывшим лицом и сухими глазами: нет, это была не наша собака. На другой день нам сообщили, что Мистер

Билл вернулся на родную по-мойку. Свобода! Вот что было ценным для этого пса. А может быть, его когда-то предали, и он не простил?

Но всё же нам повезло: в соседнем дворе я как-то заметила мальчика, выгуливающего комнатных белых собачек — мать со щенком. Щенок мне очень понравился, но, когда я хотела погладить его, он вдруг показал мне свои белые рисовые зубки.

— Вот такого точно не украдут!

Я несколько дней уговаривала мальчика и его родителей продать щенка — собака-мать ещё родит. Собака не была породистой, так, какая-то помесь: немного от шпица — на высоких ножках и с квадратным туловищем, но белая и кудрявая — от болонки. Щенок поразил меня своей красотой — у него было лицо: огромные, чёрные, выпуклые глаза, круглый высокий лобик, пушистый лисий хвост запрокинут на спину, ушки от основания прямые, но кончики загнуты вниз. Дочери сразу же назвали его Мальшом, прожил он с нами 16 лет. Расставание с прежней семьёй Мальш перенёс тяжело. Он сутки не ел и не пил, страдальчески смотрел и скулил. Женя забрал его в мастерскую, держал на коленях и потихоньку разговаривал, утешал и гладил. Ночью щенок громко завыл, и пришлось взять его в постель, чего делать ни в коем случае нельзя. Но это было единожды — на всякое правило

есть исключение. Следующую ночь он провёл в мастерской, его укрыли хозяйской рубашкой, и этого оказалось достаточным, чтобы собака спокойно спала до утра. В болезненной тоске у Мальша родилась привязанность к нашей семье. Хозяином он выбрал Женю, и приязнь их была взаимной и надолго. Мальш много времени проводил в мастерской в ногах хозяина, лёжа на стружках. Любил во время перекура посидеть на коленях у хозяина. Женя научил его «курить»: погасшую папиросу он вставлял ему в зубы, и Мальш гордо выходил из мастерской, перекатывая папироску из угла в угол рта. Девочки возмущались, но вытащить папиросу изо рта позволялось только хозяину. Мальш появился у нас в марте, накануне дня рождения Жени, и тот частенько шутил: вот какую собаку мама папе подарила на день рождения! И в ответ всегда возмущённо, хором:

— Это не твоя собака, общая!
— Нет, моя!

У Мальша неожиданно открылся талант к пению. К этому времени мы приобрели прекрасную современную стереоустановку с мощными колонками и начали коллекционировать пластинки. Как-то Женя слушал только что купленную пластинку Луи Армстронга, соло на трубе, а затем негритянский джаз. Мальш встрепенулся, как-то нервно засуетился и вдруг тоненько запел. Его похвалили, пение

одобрили. С этих пор Мальшш запел. Он пел вместе с Ритой, когда она мыла посуду на кухне, когда Женя играл на губной гармошке, специально купленной для таких случаев. Но лучше всего собака пела под Армстронга. После этого Мальшш получил вторую кличку — Маэстро, и я повесила ему на шею эстрадный чёрный бантик.

В 1975 году Рита поступила в музыкальную школу, мы приобрели пианино. Как только Рита начинала играть, Мальшш лез под диван. Какое-то время он нервно ворочался, потом начинал громко вздыхать и, не выдержав, со стонами начинал петь. А петь, когда Рита делает музыкальные уроки, ему категорически запрещалось.

*Лишь задую в гармошку
губную,
Только выведу несколько нот,
Сразу пёс мой подходит,
тоскуя,
И, скуля, продолжения ждёт.*

*И, забравшись ко мне
на колени,
Новый звук на лету подхватив,
Он заводит высокое пенье,
Самый древний на свете
мотив.*

*Что случилось с собакой
невзрачной,
Отчего этот горестный вой?
Это музыка в сердце собачьем
Отозвалась какой-то струной.*

*Ах, как верно мелодия льётся,
Как звериные чувства сильны!
Сам бы спел, да не очень
поётся,
И кому мои песни нужны?*

*Ведь не так это просто,
тоскуя,
Всё простить, что прошло
и пройдёт...
Я в гармонику дую и дую,
А собака поёт и поёт.*

Е. Курдаков

Умение Мальшша петь, даже публично, однажды пригодилось. На новогодний утренник детям дали задание выступить, приготовить какой-то номер. И Рита, недолго думая, решила показать поющую собаку. Не скрою, мы немного волновались, Мальшш пока ещё не пел публично. Но объявили номер, поставили стул, на него усадили нашу собачку. Аккомпанировал на баяне Дед Мороз, немного пьяненький, ну, не очень заметно. Дед Мороз (в будние дни — учитель физкультуры) с сомнением посмотрел на артиста и спросил, что играть. С первыми звуками Мальшш встал на задние лапки и запел. Что тут началось: дети чуть не свалили ёлку, не отставали и учителя. Первое место и новогодний приз заслужила, конечно же, поющая собака.

Мальшш был собачьим артисткротом, да-да, не смейтесь. Он ел не спеша, не брызгая, в миске его всегда что-то оставалось, например, ливерная колбаса. Иногда в гости приходила

соседская Вега, маленькая хорошенькая дворняжка с большим дамским достоинством и от этого чувством вседозволенности. Коротко гавкнув возле нашей двери, сообщив о своём визите, она проходила в нашу квартиру. Гости сразу шла на кухню к миске Малыша и съедала всё содержимое, потом обходила комнаты и ложилась на подстилку друга. Всё это время Малыш сопровождал Вегу, не выказывая недовольства. Полежав с час, она, негромко гавкнув у двери, просилась домой.

При этом не всё позволялось хозяевам: запрещается ругать и наказывать дочерей — Малыш сразу же встаёт на защиту обижаемых и обожаемых, громко и угрожающе лает — какое уж там воспитание! Всё заканчивается общим смехом. Неприлично вожаку Стаи задирать голые ноги, когда тот задорно пляшет на дне рождения кого-то из дочерей. Малыш лает и делает предупреждающие хватательные движения головой, угрожая укусить. При этом он успевает следить, чтобы гости ничего не трогали, — и всё это с лаем! Всем от всего этого несказанно весело.

Место под диваном принадлежало Малышу. Там в укромном уголке он прятал свои собачьи сокровища: косточки про запас — на чёрный день, какую-нибудь игрушку, да и просто это было место, где можно спрятаться, отдохнуть. Во всяком случае, каждая особь должна иметь своё

личное пространство. Когда я начинала мыть полы, Малыш с рычанием кидался спасать припасённые косточки, но швабра доставала всё, а хозяйка безжалостно выбрасывала собачьи ценности. Под диваном Малыш спасался от купания в ванне — не любил! Туда же он прятался от любимого хозяина, вожака Стаи, когда тот позволял себе расслабиться — выпить. И как бы Женя его ни пытался звать, чтобы пообщаться, Малыш не вылезал. А вот приготавливаясь мыть Малыша, нам пришлось заменить слово «купаться» на пароль «Баден-Баден», он хорошо знал слово «купаться» и спасался, как только мог. Чтобы отнести его в ванну, приходилось набросить на голову полотенце, только тогда Малыш сдавался и позволял себя вымыть.

Малыш обожал Надежду Петровну Розанову. Её он встречал в прихожей на задних лапах — ещё бы, ведь она приносила для него обрезки копчёной колбасы. Через полчаса, также на задних лапах, он приносил и клал ей на колени поводок, приглашая продлить удовольствие — погулять.

— Ну что ты, Малыш, я ещё не попила даже чая, а ты уже провожаешь меня домой!

Мы часто семьёй выезжали за город, брали и Малыша. Собак было запрещено брать в поезд, и поэтому Малыша прятали в рюкзаке, где он терпеливо ждал, когда поезд тронется и ему позволят сидеть на скамейке. Проводницы

обычно нового пассажира принимали, скандалов не было. Для нас (осозналось позже) это была не просто работа, — из таких поездок мы привозили не только материал для резьбы, но и скрепляющую семью бесценную память общности. Там, на галечных отмелях тёплой, приветливой Ульбы, годами лежали вынесенные весенними паводками, выбеленные солнцем и ветром сухие комли деревьев, с которых Женя спиливал интересные, замысловато изогнутые корни. Вспоминается жаркий полдень июля, Ульба в районе Тарханки, мелковатая, бегущая по камушкам, с белыми гребешками пены, дышащая речной влагой и освежающая озоном. Одинокая крачка в солнечном поднебесье, парящий с распластанными крыльями коршун. Неспешные чёрные дрозды в купах деревьев, кормящие птенцов, чем-то озабоченная трясогузка на мокром галечнике, лёгкий ветерок и шёпот листьев тополей... Мы на высоком берегу Ульбы, на краю обрыва. Обнажённые корни наклонившихся деревьев, жалкие, ещё цепляющиеся, пытаются удерживать стволы деревьев от падения в реку. Весенние ежегодные паводки размывают берега реки, обрушивают деревья, а позже выносят на отмели, где местные жители опиливают и увозят на дрова стволы погибших деревьев. Нам же достаются уже комли. То же самое грозит и кустам калины, бузины, акации, черёму-

хи, дикой малины и смородины. А пока ещё они наслаждаются жизнью: розовеют и желтеют кистями ягод, длинными зелёными стручками. В траве и кустах неумолчное стрекотание кузнечиков и каких-то насекомых, жужжат пчёлы, мерцают яркие крылья бабочек. Семья обедает, расстелена скатёрка с незамысловатой едой: огурцы, помидоры, пирожки, банка с «завтраком туриста». Мальш, разгрёбший горячую траву, нежится на прохладной, влажной земле, положив голову на вытянутые лапы. И мы, наша семья, Наша Стая — единая частичка живого мироздания. Ещё пока вместе...

Часто семьёй выезжали на несколько дней на озеро Шыбындыкуль, или, по-местному, Таинты. Озеро находится в горной долине. Горы, поросшие сосняком, сбегают к воде и окаймляют озеро нагромождением плоских плит. Чистая, прозрачная вода, воздух, насыщенный кислородом, ягоды и грибы, конечно, притягивают усталых людей промышленного мегаполиса. Озеро особенно посещается в выходные дни, среди недели — более пустынно. К поездке готовимся тщательно. Женя даёт мне список закупаемых консервов и продуктов. Перебираю, готовлю тёплую одежду, спальники, стёганые одеяла, котелки, кружки и прочее. А ещё берём двухместную брезентовую палатку, достаточно тяжёлую (облегчённых, из синтетики, ещё не было). Едем на

рейсовом автобусе. От остановки до озера в гору километра два, и это для нас «суворовский переход». Нагружены выше головы: у Жени два рюкзака — на спине и груди, в руке дорожная сумка. У меня тоже рюкзак и тяжеленная сумка. На полдороге Юля устаёт, не может идти, и Женя сажает её на шею, вернее, на рюкзак. Наш караван медленно движется в гору. Иногда попутная машина подхватывает нас, и это благо. Вечером, после ужина, сидим семьёй у небольшого костерка. Высокое звёздное небо с золотым полумесяцем в окружении ярких звёзд...

Ночью прошёл небольшой дождь, так, слегка брызнул. Утро было без солнца — холодное, грустное, и, хотя это только начало августа, вдруг как-то повеяло осенью. Женя поднялся рано, из отсыревших, припасённых с вечера дров развёл костёр, вскипятил чай в котелке. Я слышала, как он поднялся, возился с костром, но не выходила, ждала, пока позовёт к чаю. Знаю, что утро сырое и холодное, а в тесной палатке так тепло. Сидим вдвоём возле палатки, на плоском валуне, накрытом джинсовой курткой. В руках кружки с горячим чаем, греем руки и души... Туман немного рассеивается. Призрачно и бесшумно разрезая носом гладь озера, движется лодка, и отбежавшая волна добегают до берега, ласково шуршит по песку. В палатке спят дочери. Бегают между валунов Мальш,

принюхивается. Его не на шутку интересуют незнакомые запахи. Здесь, прикормленные туристами, обитают общительные суслики, по-местному — киски, они вызывают здоровый собачий интерес. Можно встретить и симпатичного, выписывающего деликатес бурундучка.

К обеду растеплилось, яркое солнце прогрело воду, и мы купаемся. За Ритой глаз да глаз — из воды не вытащить, а Юля с рождения панически боится воды. Походит по бережку, помочит ноги — и всё. Пытаюсь убедить, что купаться очень приятно. Захожу в воду по пояс, на руках Юля, обхватившая меня мёртвой хваткой за шею. Опускаюсь так, чтобы намочить ножки дочери. Всё равно боится.

Таких поездок было много. И это были минуты счастья. В будущем, в минуты печали и горестей от неизбежных утрат, память от этих поездок будет утешением и светлой надеждой на лучшее в нашей земной юдоли.

Иволга

*Где-то вдали или в юности
где-то,
Там, где живая томится душа,
Иволга тихо окликнула лето,
Май встрепенулся, дождями
шурша.*

*Где это, что это,
как не забылось,
Как удалось, затаившись,
сберечь*

*Этих дождей морозящую
сырость,
Этой реки хлопотливую речь?
Как удалось не утратить
надежду,
Вновь и навеки вернуться
душой*

*К дальней тропе,
пробреждающей между
Явью и снами в пыли золотой?*

*К миру, где дождь шелестит,
пролетая,
Вереск цветёт, и в тумане
речном,
В дальней дали, не смолкая,
взывая,
Иволга тихо свистит о былом.*

Е. Курдаков

Мастерская — это бывшая кладовка с немного прихваченной площадью от комнаты дочерей. Она без окна, с постоянным искусственным освещением. Все стены от пола до потолка обустроены стеллажами с заготовками для будущих скульптур малых форм. Там же, на стеллажах, бутылки с химикатами и настольные станочки, рядом соседствует стеллаж со стопками бумаги, папками и пишущей портативной машинкой. Вечерами, а бывает, и ночью Женя занимается литературной работой. Вообще-то вся наша квартира — сплошная мастерская: на кухне я лакирую или покрываю мастикой для вождения готовые

изделия, в зале, держа на коленях поднос, шлифую наждачной бумагой полуготовые скульптуры. Летом я работаю на балконе.

Обычная картина того времени: работающий за верстаком Женя что-то режет, в ногах у него, на стружках, Мальш с косточкой, сбоку верстака маленькая Юля. Ведутся взрослые разговоры. О чём? Обо всём, в том числе и о прочитанных книгах. На верстаке подставка для инструментов, разложены нужные для работы стамески, ножи. Здесь же стопка серой бумаги для черновиков. Юля, разговаривая с отцом, неспешно рисует. Рисунки молниеносные, графические, одной линией, кратко и полно отражающие сюжет книги или касающиеся темы разговора. Художественная школа, законченная Юлей, добавила и разнообразила художественные приёмы, но графика, «живая линия», данная ей природой, остаётся приоритетной в её творчестве.

Женя часто ездил на рыбалки, кстати, очень успешно. На это время иерархически вожаком Стаи становилась я. Мальш постоянно сопровождал меня по квартире, охранял, нёс свою службу. За эти дни он привыкал ко мне, как к вожаку. Вернувшись с рыбалки хозяина Мальш встречал лаем, как чужого.

— Ну что? Совсем тут обаялся без меня?! Своих уже не узнаёшь!

Поняв ошибку, скомпрометированный Мальш уходил на свою подстилку. Через час порядок в Стае восстанавливался.

Жила в нашем подъезде бабушка, которая ну никак не могла понять, зачем мы держим в квартире собаку. Старушка преследовала меня одним и тем же вопросом:

— Ну зачем вам собака? У вас же дети, от неё грязь. Её надо выгуливать, кормить...

— Детям полезно за кем-то ухаживать и заботиться. Кроме того, это просто друг и защитник, — как-то не очень убедительно говорила я.

Женщина не унималась. Что-бы отвязаться от неразрешимого вопроса «Зачем вам собака?», я как-то неудачно пошутила:

— Да мы едим их.

Это было большой моей ошибкой, что тут началось...

— Да вам что же, есть нечего? Да зачем же вы собак едите, вы же не корейцы!

Старушке было невдомёк, что Мальш у нас живёт так долго, что нам пора было бы его уже давно съесть. Это недоразумение могло продлиться ещё долго, но бабушку вскоре забрала к себе дочь, поселив в её квартире сына. И ещё комичный случай с той же бабушкой. Женя уехал на рыбалку (я в это время уже работала в музее), и ключ от квартиры договорились оставить у бабушки, так как она всегда дома. Принесла ключ, объяснила ситуацию. Та спрашивает: «А какой у тебя муж-то, как я его узнаю?»

— Ну, — говорю я, — придёт мужик с красным обожжённым лицом, небритый, грязный, в рыбьей слизи и чешуе, вонючий... С рюкзаком на спине и в резиновых сапогах.

— Доча, не надо, я боюсь его...

Последней нашей собакой был Рэм, породистый чёрный пудель, который прожил с нами двенадцать лет. Мы его приобрели двухмесячным щенком после смерти Мальша. По своей психологии это был совершенно незнакомый для нас типаж. Игривый, ласковый, шаловливый, умеющий пошутить. Рэм имел тонкое телосложение, боялся и избегал крупных собак. Однажды он гулял один во дворе, без поводка. Вдруг слышу ужасающий визг в подъезде, приближающийся к нашей входной двери. Кидаюсь к двери — о ужас, на Рэмке висит маленький бульдожек, вцепившийся в бок мёртвой хваткой. Одновременно в открытую дверь вбегает какая-то женщина, мгновенно отдирает свою собаку и исчезает, не сказав ни слова. Всё это происшествие длилось секунды. Но были случаи, когда Рэм показал себя защитником, показал просто бойцовские качества, защищая маленькую внучку Олю. И ещё случай: пришла ко мне Рита искупаться — в их районе отключили горячую воду. Выходит из ванны, в махровом банном халате, на мокрой голове — тюрбан из полотенца. Не узнавший её в таком виде Рэм злобно кидается на опешившую

от неожиданности Риту, — вот тебе и пудель!

Наскучавшись без нас, пришедших вечером с работы, Рэмка первым делом приносил Юле (она была его хозяйкой) мячик. Юля бросала мячик в стенку, и отскочивший мячик Рэм пытался поймать на лету — в этом заключался смысл игры. Частенько собака приносила игрушки с мусорки, тщательно охраняя их, не позволяя выбрасывать. В таких случаях он на время еды клал вновь приобретённую игрушку возле миски и рычал, когда протягивали руку, чтобы забрать её. Через неделю интерес к игрушке пропадал, и её можно было выбросить. Мне кажется, что пудель способен не только чувствовать настроение близких ему людей, но и различать и понимать мимику.

Многие породистые собаки, в отличие от дворняжек, имеют слабый иммунитет. Рэмка болел довольно часто, не избежал и чумки. Я была уже наслышана об этой страшной собачьей болезни, держала дома антибиотики и шприцы. Болезнь протекает очень быстро: счёт идёт на часы. Как назло, наша собака заболела в канун выходных, и лечить мне пришлось самой. Трясуцимися руками, впервые, я делала уколы: колола антибиотики, преднизолон, вливала большой объём физраствора — собаки гибнут от обезвоживания. Рэмку я вылечила. Во время болезни он ничего не ел, исхудал — кости да

кожа. После этого у него начался неконтролируемый жор с необъяснимыми чудесами воровства. Налила в две тарелки борщ с кусочками мяса — себе и Юле. На минуту отвлеклись к телевизору. Когда доедали борщ, заметили: мяса нет. На скатерти ни капельки, тарелки не сдвинуты, а ведь борщ был горячий. Рэм лежит на подстилке — с совершенно честными глазами. В те же дни замесила творожное тесто с изюмом для печенья, лежит под полотенцем на столе, отдыхает. Через полчаса обнаруживаю, что тесто пропало. А вот одна из шуточек Рэма. Женя за верстаком, работает. В определённом порядке разложены резьбовые инструменты. Рэм подкрадывается и незаметно стягивает из-под руки стамеску. Женя в замешательстве: вот только что была, куда делась? Рэм с подстилки внимательно наблюдает за переполохом.

Самая большая проблема в содержании пуделя (для меня, во всяком случае) — это ежемесячная стрижка, без которой пудель не пудель, а какая-то бесформенная тучка. Стригла я сама и, надо сказать, неплохо. Стрижка для меня и Рэма — стресс. Для меня — это страх порезать, ведь стрижка местами делается до гола, до кожи, а для Рэма — быть порезанным, и он защищается, как только может. Стрижка моя называлась спортивной: коротко — на туловище, на морде — до кожи, из-под бровей — круглый

густой кок, такой же шарик на хвосте, галифе (моё название) — на передних и задних ногах. Самое сложное — это лапы, нижняя часть. Шерсть между пальцами выстригается под кожу, и лапа становится похожей на кисть руки. После стрижки выношу Рэма на руках во двор, где он вытряхивается и начинает красоваться. О, эта грациозная пуделячья походочка! Из-за неё нам стоит потерпеть. Прохожие восхищаются красотой собаки, и он это понимает, улыбается. Следующая стрижка будет через месяц, а пока живём и наслаждаемся жизнью и красотой.

Они были разными, наши дочери. Разные внешне, разные по характеру и интересам. Рита — желанный первенец, выстрадавший (я часто лежала в больнице, сохраняя беременность). Молодой отец не боялся младенческой хрупкости девочки, много занимался ею: умело пеленал, делал массаж. С подрастающей Ритой учил стихи, учил танцевать, многому учил... Она рано начала говорить и скрасила нашу квартирантскую жизнь на Защите. Вспоминается случай из той жизни: прихожу с работы, Женя на полу играет в куклы с полторагодовалой Риточкой (вернее, учит играть). Сделал кроватку из обрезков фанеры, которыми топили печь, свернул из ткани постельные принадлежности и с большим интересом развлекается с дочерью. Капризничавшую Риту не раз успокаивал таким приёмом:

— Дочурочка, что это у тебя? — из мокрого открытого рта ребёнка достаёт коробок спичек. — Ну конечно, я бы тоже плакал, я бы даже орал!

Плач моментально прекращается — ребёнок с изумлением смотрит на отца и коробок. Такой же фокус и эффект происходят при доставании вдруг чайной ложки из уха Риты. А потом отец подбрасывает девочку к потолку, ловит, прижимает, делает на вытянутых руках — вкруговую — самолёт-самолёт. Ребёнок задыхается от восторга и, отдышавшись, припадает к груди отца, обнимает за шею. И это были минуты счастья.

Бойкая непогода с лидерскими способностями, с шилом в одном месте, Рита могла организовать прогулку в парк детей из нашего подъезда, пропустив первые уроки в школе. Её шалости были непредсказуемы, меня частенько вызывали в школу по поводу дисциплины, что меня, в общем-то, не сильно огорчало — здоровый ребёнок! Певунья и плясунья Рита была внимательной и заботливой старшей сестрой для Юли и остаётся такой по сей день. В пионерском лагере, несмотря на разницу в возрасте, они всегда были в одном отряде, и я знала, что всё будет в порядке, — рядом Рита. Как это часто бывает в семьях, выросшие в одной семье и воспитанные одними родителями дети вырастают с разными характерами и наклонностями, и это норма. Рита играла в куклы, а Юля любила

миниатюрные игрушки: набор «Теремок» со всеми его героями, всевозможные пластмассовые зверушки, плюшевая собачка Пиф. Частенько игрушки вырезал из дерева отец, и они были уникальны, он доводил их до совершенства, их не хотелось выпускать из рук. Были Буратино, крокодил Гена, старуха Шапокляк, Незнайка, были фантастические, забавные прямоугольные человечки, декорированные выжиганием и покрытые лаком. Юля приносила свои необыкновенные игрушки в садик. Её прихода дожидались дети, вытряхивали игрушки на ковёр из сумочки, рассматривали и играли. Вечером Юля не забывала всё собрать и унести домой. Но самым любимым занятием было всё же рисование. Рисунки четырёхлетней Юли были отмечены на выставке творчества детских садов города.

Общей для обеих дочерей была любовь к книгам, которых было много в нашем доме, и к музыке. Постоянно приобретались пластинки с новинками, с удовольствием смотрели по телевизору передачу «Музыкальный киоск». Стены нашей малогабаритной двухкомнатной хрущёвки были украшены резьбовыми шедеврами, которые мы не сдавали на продажу, был у нас негласный закон: лучшее — себе. Правда, позже наши шедевры будут приобретены областным этнографическим музеем. Запахи кедра,

черёмухи, можжевельника, акации насыщали наше жилище. И даже простенькие ученические музыкальные этюды, разучиваемые Ритой в музыкалке, — живая музыка — создавали необыкновенную творческую атмосферу нашей семьи, Нашей Стаи.

Ваши птицы

*Если день ещё не начал,
А уж вас томит с утра,
Это значит, это значит,
Ваших птиц кормить пора.*

*Это значит, из темницы,
Из глухой предтишины
Ваши птицы, ваши птицы
Вам пока ещё слышны.*

*Вот уж только щебетанье
Там, где раньше песнь была...
Не последнее ль прощанье,
Трепыханье в два крыла?*

*Мир заботами потушен,
Отвернуться и забыть...
Загляните в ваши души,
Не пора ли птиц кормить?*

Е. Курдаков

Утро в семье обычно начиналось с кормления птиц. Кормил всегда Женя, но в его отсутствие это делала я. Женя всегда что-то насвистывал, когда чистил клетку и насыпал корм. Под ногами крутился Малыш. Похоже, сам процесс им нравился. Корм был разнообразным: кроме зерна,

обязательно зелень (огурец или яблоко, летом листья или цветы одуванчика), крошенное яйцо, размоченный мякиш хлеба.

Всё началось с пары канареек — Клавы и Кешы, которых купили в магазине «Природа». Но неожиданно для нас птицы стали быстро размножаться, и имеющаяся у нас клетка стала маленькой. Женя сделал большой вольер, примерно метр на метр. На дне лежал выдвигной поддон для кормления и чистки клетки. Каждую весну мы наблюдали брачный период наших птиц, затем кладку яиц и высиживание птенцов.

Мальшу тоже было интересно, он часто просился на руки, опирался передними лапками о нижний край вольера, наблюдал за происходящим. Клава моментально слетала и бесстрашно начинала выдёргивать нежный подшёрсток между пальцами для утепления гнезда. Малыш какое-то время терпеливо переминался от боли, скалил зубы и, не выдержав, просился на пол. А в вольере происходило очень уж интересное: в круглом гнездышке вдруг однажды появлялись голубенькие, в крапинку, чуть больше горошины, яички. Из них проклёвывались крохотные птенцы, отнюдь не красавцы, — мало напоминающие даже птиц, голопузые; на тонких, качающихся шейках-стебельках — большие головки с выпуклыми, закрытыми фиолетовой плёнкой глазами. И постоянно открытый,

несоразмерно огромный, вызывающе-жёлтый по краям клюв. За время нахождения птенцов в гнезде птичья колыбель остаётся чистой: птенцы отстреливают отходы жизнедеятельности, подвинув гузку к краю гнезда.

За сезон пара птиц выводила четыре выводка по пять птенцов, которых мы раздавали всем желающим, позже стали сдавать в магазин «Природа». Кеша оказался прекрасным певцом. Все подрастающие птенцы кенара перенимали навыки пения, и вокал их был прекрасным. Женя добавлял, улучшая пение наших птиц, трели овсянок с записей на пластинках. Птицы прожили у нас лет шесть. Позже, уже в новой квартире, у нас остался только певчий кенар, который свободно летал по квартире и вскоре стал совершенно ручным. Если бы бабушка из нашего подъезда спросила: «А зачем вы держите птиц?» — я бы, наверное, ответила этим стихотворением:

*Если жизнь отворачивается,
Свет померкнет в глазах,
Тридцать три мои птицы
Встрепенутся в стихах.*

*Тридцать три мои птицы
Ввысь поднимутся вмиг,
Вон — из каждой страницы
Десяти моих книг.*

*Запоют, щебетаньем
Оглушив небеса,
Золотые созданья,
Дней моих голоса.*

*Только сонмом созвучий,
Знаю, с этого дня
Стая жизни певучей
Не отпустит меня.*

Е. Курдаков

Спустя время у нас появился волнистый попугайчик Петруша, презабавная птица. Попугайчика подарили за хорошую успеваемость нашей внучке Оле по её просьбе, но она как-то быстро наигралась и отдала его нам. Спустя полгода, в брачный период, Петруша заговорил. Первым словом было приветствие, а дальше пошли стихи и даже песенки. Птица много времени проводила вне клетки, была абсолютно ручной, контактной не только с людьми, но и с собакой. Тогда это был пудель Рэмка. Петруша любил кататься на Рэмкиной спине. Изловчившись, собака осторожно, одними губами, пыталась за крылышко стянуть Петрушу со спины и тут же получала болезненный щипок в нос. Как и все попугаи, любил Петруша зеркало, смотрел, танцевал, приговаривая: «Петруша — красивая птичка!» Как-то расхаживает по подоконнику, слышим его голос: «Тише, тише, кот на крыше...» — и вправду по подоконнику с уличной стороны крадёт кот, но это, конечно, совпадение. Обедаем за столом на кухне. Петруша бегаёт по столу, у каждого попробует из тарелки, поклоёт нарезанный хлеб, попьёт чай, вспрыгнув на

край чашки, и всё это время прихваливает себя. Потом для разнообразия начинает сбрасывать чайные ложки на пол. Как-то я потеряла очки. Нашла их в мусорном ведре — Петрушина работа. Но самое удивительное — Петруша знал своё имя и прилетал на зов.

Скворцы поселились у нас неожиданно, на балконе, в деревянной долблёной пудовке (старинная мера, вмещающая 16 кг зерна), её Женя привёз осенью из деревни и не успел сдать в музей. Птиц не потревожили, пока не выросли птенцы и сами не покинули своё жилище. На следующий год муж сделал добротный деревянный скворечник. Каждый год, с лета до следующей весны, скворечник до прилёта хозяев заселяли воробьи. Скворцы прилетали весной, вроде бы ожидаемо, но всегда неожиданно для нас. Они прилетали затемно, до восхода солнца, мы ещё спали. И просыпались мы от громких скворчиных трелей, пощёлкивания, свиста, и это был праздник — пришла весна. Цвели огромные тополя, доходящие до балкона, и запах их витал по квартире, и весеннее солнце играло бликами на стёклах окон, и хотелось верить, что жизнь будет бесконечной и радостной, как эта весна. И это были минуты счастья. Скворцы расхаживали по перилам балкона, заглядывали в скворечник, пели что-то заморское, принесённое из

дальних стран. Мы в это время старались не тревожить птиц, не выходили без особой надобности на балкон. Случалось вешать на балконе бельё, а в это время прилетал скворец с добычей в клюве — предупреждающее «к-р-р» — и я уходила с балкона, дожидаясь, когда птица улетит за новой порцией еды для птенцов. Были случаи, когда я отгоняла от скворечника прожорливых ворон, пытающихся выдернуть через входное отверстие домика подрастающих скворчат.

*В эти дни зацвели тополя,
Там, в скворчином журчанье
и свисте,
Распустились бордовые кисти,
Золотую пыльцую пыля.*

*Тополь женский и тополь
мужской
Вновь повенчаны ветром
апреля,*

*И опять эти дни полетели
Бесконечной своей чередой.*

*И опять я шепчу, как во сне:
Просто жить — разве этого
мало,
Разве мало, пусть даже
устало,*

Всякий раз удивляться весне?

*Всякий раз воскрешённой
душой
Безотчётно, как тополь
и птица,
Растворяться, надеяться,
длиться
В этой ветреной дали живой?*

*...Облака золотистой пыльцы
Тихо тают в туманах апреля,
И плетут бесконечные трели
В загустевших вершинах*

*скворцы.
Е. Курдаков*

Я, наверное, идеализирую Нашу Стаю, но прошло много лет, и я забыла или стараюсь забыть все тяготы тех времён. Ведь мы не идеальны. Жизнь не оказалась мне короткой. Наоборот, она была такой интересной, непредсказуемой и разнообразной, она длится так долго и вместила так много событий: радостных и печальных, разочарований и надежд на лучшие времена. Мы многое претерпели, приобрели жизненный опыт. Наши дочери обрели семьи и имеют всё необходимое для жизни. И пока только чёт... Слава Богу, пока только чёт!

Жизнь не всегда была праздничной и нарядной. Большое видится на расстоянии — гласит житейская мудрость. И я на расстоянии — из настоящего в прошлое — вижу наши ошибки, оцениваю ситуации, когда ломались копья и жизни без особой на то причины. Вижу неизбежную, никчёмную суетность прошлого, а то, что казалась когда-то мелочью, теперь приобрело незабываемую, необыкновенную ценность и значимость, даёт силы жить дальше. Я забыла обиды, я многое простила себе и своим близким, я освободилась от ненужного, накопившегося жиз-

ненного хлама и вздора. Освобождённая, налегке, моя жизнь продолжается. Она протекает в русле той же реки-судьбы. Я плыву, бегу по камушкам по течению, я огибаю встречающиеся пороги, осторожно, стараясь никого не забрызгать. Куда я плыву в конечном итоге — в океан, в земную твердь или в космическую бездну? Иногда я чувствую себя какой-то травинкой, плотно обвитой полевой повиликой. Она придушила меня своими крепкими одревеневшими усиками, но украсила мой слабый ствол нежными розово-белыми колокольчиками. Повилика держит меня, выпрямляет, но иногда своей тяжестью тянет к земле. Нас невозможно распутать, разъединить, не повредив обеих. И всё же однажды сильный ветер пригнёт нас к земле, и повилика уже не поднимет меня для жизни.

И всё же что это было? Как сказать, не опустившись до пошлой банальности, как выразить томление души о незабываемом прошедшем времени жизни? Пока только словами Евгения Курдакова: «...минувшей жизни несказанный сон».

На сегодняшний день я никого не приютила в своём доме. Я боюсь, а потому избегаю неизбежной потери животных, у меня теперь нет на это жизненных сил. Мои птицы живут на воле — за окном. Я очень люблю синиц, мы нужны взаимно друг

другу: я кормлю синиц, а они радуют меня своим доверием, своей красотой и нежностью, присутствием в моей жизни. С наступлением глубокой осени, в её печальные, короткие дни, с первыми холодами и тусклыми дождями синички напоминают о себе стуком в окно — пора выставлять кормушки. Я радуюсь первому появлению грачей — первый признак близкой весны. Чёрные, с антрацитовым блеском, — их грубоватая треугольная телесность и мощный костяной клюв восхищают меня. Они прилетают, не боясь ещё позимнему крепких заморозков и бескормицы, находят пропитание на дворовых мусорках и свалках. Не перестаю удивляться приспособленности ворон к жизни в городских условиях. Никогда не видела их у кормушек: пропитание себе добывают сами, как и грачи. Поистине хозяйственная, житейски ловкая птица. Делает запасы и никогда не забывает свои схороны, правда, иногда этими запасами пользуются не менее ловкие соплеменники — подсмотрят и своруют! Ох, что-то я ворон считаю — не к добру! И всё оттого, что не могу, не хочу уходить из прошлого, из Стаи. Понимаю, что нельзя жить прошлым, — это даже опасно, так предупреждают психологи и умные люди. Да, всё понимаю, даже могу привести случаи, когда человек ушёл в прошлое и не вернулся. И всё же...

...Проснуться вдруг, ещё не понимая,
Что ты проснулся там, в минувшем сне:
Светло, открыт балкон, и солнце мая
Узор листвы качает на стене.

Из мастерской кедровой терпкий запах
Взывает к верстаку... И верный пёс
Давно уже стоит на задних лапах,
К хозяину приблизив чуткий нос...

На тумбочке лежит открытый Пушкин
С подчёркнутым «с порядком дружен ум»...
По комнате разбросаны игрушки,
И слышен из окна трамвайный шум.

В вольере встрепенулся кенар... Скоро
Дом зажурчит, пронизанный насквозь
Высокой трелью... Шевельнулись шторы,
И детский голос «Папа» произнёс.

Пора вставать...

Ах, только б на мгновенье
Продлить тот сон, – пока блуждает мысль
Вдали от горькой правды пробужденья...
Забудь, не просыпайся, обманись...

Е. Курдаков